

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1995 г.

EURIPIDES NON SATIS NOTUS

Незнакомый Еврипид

Вступительная статья, перевод с древнегреческого
и примечания В.Н. Ярхо

ТРАГЕДИИ ИНТРИГИ И СЛУЧАЯ

Основной принцип бытия – случай... На атомном уровне миром правит чистая случайность. Хотя поверить в это до конца, естественно, невозможно.

Дж. Фулз. Волхв. Гл. 75

Коль существует случай, нет нужды в богах. Где боги в силе, места нет для случая.

Еврипид. Фр. 154, 4–5. Остин

Заглавие этой подборки следует понимать *cum grano salis*: специалистам по истории древнегреческой литературы и особенно трагедии все приводимые ниже материалы, конечно, давно знакомы. Неизвестны же они почти за полным отсутствием русского перевода¹ достаточно широкому кругу читателей, которые из так называемых "трагедий интриги" Еврипида знают только три, дошедшие целиком: "Ифигению в Тавриде", "Елену" и "Иона"². Между тем на самом деле их было гораздо больше, и время их создания не ограничивается второй половиной 410-х годов, которой обычно датируют три названные трагедии. Как ранее известные из позднеантичных источников, так особенно папирусные фрагменты, накопившиеся с конца прошлого столетия (первый из них был опубликован в 1880 г.), позволяють значительно расширить наше представление об этой стороне творчества "трагичнейшего из поэтов". Набирающиеся в общей сложности около тысячи стихов вместе с античными свидетельствами и соответствующим комментарием давно пора ввести в круг наших сведений о Еврипиде, что и является целью предлагаемого ниже собрания материала.

Сначала, однако, надо уточнить, что разумеется под "трагедиями интриги", ибо название это, давно укрепившееся за тремя упомянутыми выше драмами (отчасти к ним может быть отнесен еще "Орест"), нельзя назвать слишком удачным. В самом деле, интрига присутствует в творчестве древнегреческих поэтов от первых литературных памятников: без притворства Синона не мог быть введен в Илион знаменитый троянский конь, о чем сообщалось уже в киклическом эпосе³. В "Одиссее" предложенное Пенелопой женихам⁴ по наущению Афины состязание в стрельбе из лука входит как составная часть в задуманное Одиссеем истребление своих оскорбителей (для чего по его же приказу из зала заранее было вынесено развешанное по

* Далее употребляются краткие обозначения для следующих изданий, на которые встретятся многократные ссылки: *Аполлодор* – *Apollodorus. The Library...* by Sir J.G. Fraser. V. I–II. 1963–1967. L. – N.Y. (в рус. пер.: *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Л., 1972; 1993); *Арним* – *Supplementum Euripideum bearbeitet von H.V. Arnim*. Bonn, 1913; *Ван Лоу* – *Van Looy H. Zes Verloren Tragedies van Euripides. Studie...* door H. Van Looy. Brussel, 1964; *Гигин* – *Hugini fabulae. rec...* H. I. Rose / Ed. altera. Lugduni Batavorum, 1963 (перепечатка изд. 1933 г.); *Наук* – *Tragicorum Graecorum Fragmenta. Rec. A. Nauck. Ed. 2. Lipsiae, 1889* (перепечатка с дополнениями Б. Снелля – Hildesheim, 1964); *Остин* – *Nova fragmenta Euripidea in papyris reperta* / Ed. C. Austin. V., 1968; *Пэйдж* – *Select Papyri. III. Literary Papyri. Poetry Text...* by D.L. Page. L. – Camb. Mass., 1952. Кроме того, о трагедиях, являющихся здесь предметом разбора, см.: *Lesky A. Die tragische Dichtung der Hellenen. 3. Aufl.* Göttingen, 1972; *Webster T.B.L. The Tragedies of Euripides. L., 1967*. Сведения обо всех публикациях фрагментов Еврипида, появившихся после издания А. Наука, см. в обзорах Г.И. Метте (*Euripides. Die Bruchstücke*): *Lustrum. Bd 12*(1968), S. 5–288; *Bd 13* (1969), S. 289–403, 568–571; *Bd 17* (1976), S. 5–26; *Bd 19* (1978), S. 65–78; *Bd 23/24* (1982), S. 5–434; *Bd 25* (1983), S. 5–13; *Bd 27* (1985), S. 23–26.

¹ Исключение составляют отрывки из "Гипсипилы", переведенные Ф.Ф. Зелинским (*Из жизни идей*. Т. 1. Пг., 1916. С. 127–176. Первоначально: *Вестник Европы*. 1910. Кн. VII, VIII).

² *Тронский И.М.* История античной литературы. 5-е изд. М., 1988. С. 145–147; *Ярхо В.Н.* Античная драма. М., 1990. С. 48–69, 142 (важнейшая литература).

³ Речь об этом шла в поэме Арктина Милетского "Разрушение Трои" (см. с. 88, 10 сл. Бернабе = с. 107, 26 сл. Аллен = с. 62, 14 сл. Дэвис). Содержался ли эпизод с Синомом также в "Разрушении Трои" Стесихора, зависит от того, насколько достоверным признается изображение на знаменитой "Илионской таблице" (см. *Sadowska A. Les Tables Iliques. Warszawa, 1964. P. 24–37*), выполненной в Риме в начале Империи. См. *Horsfall N. Stesichorus at Boville? // JHS. 1979. V. 99. P. 26–48*.

стенам оружие). В трагедии более или менее хитроумная интрига помогает Оресту осуществить месть над убийцами отца: у Эсхила в "Хозфорах" Орест вместе с Пиладом выдают себя за случайных путников из Фокиды, чтобы проникнуть во дворец, да еще хор советует старой кормилице позвать Эгисфа без телохранителей; у Софокла в "Электре" появление Ореста подготавливается рассказом Воспитателя о его вымышленной смерти. У Еврипида число подобных примеров, как в целом дошедших трагедиях, так и в сохранившихся только в античных свидетельствах и фрагментах, может быть значительно умножено. При этом выявляются пять типов возможного построения и обоснования интриги, ведущей к трагической развязке.

Ближе всего нашему сознанию – осуществление некоего замысла с целью справедливой мести. Здесь наиболее развитую форму представляет, конечно, сюжет "Электры", в котором сначала Орест, пользуясь обстановкой праздничного жертвоприношения, под видом пришельца из Фессалии расправляется с Эгисфом, а затем в дом земледельца – фиктивного супруга Электры – заманивают Клитеместру придуманным рассказом о рождении у нее внука. Точно так же Гекуба в одноименной трагедии с помощью Агамемнона завлекает в свой шатер Полиместора и ослепляет его, мстя за предательскую гибель вверенного его заботам Полидора. И Амфирион в "Геракле" побуждает Лика войти в дом, где якобы укрылись у алтаря ожидающие незаслуженной смерти Мегара с детьми, на самом деле там Лика подстерегает Геракл. Из недошедших драм интрига ради мести имела место уже в самой ранней трагедии Еврипида "Пелиады" (454 г.). Здесь Ясон, натерпевшись опасностей по вине Пелия, по возвращении из Колхиды с Медеей задумывает устранить соперника, и тогда Медея, явившись под видом жрицы Артемиды к дочерям Пелия, коварными речами уговорила их вернуть отцу молодость. Она даже показала, как это делается, омоложив в котле с кипящей водой старого барана. Разумеется, Пелий, попав в котел, больше оттуда не выбрался⁴. Вероятно, какую-то причину должен был придумать в "Фиесте" Атрей, чтобы заманить к себе своего изгнанного брата и отомстить ему за прелюбодеяние с Аэропой. Действия, предпринятые противоположной стороной, составляли содержание, если верить Гигину (№ 86), трагедии "Плисфен". Персонаж под этим именем не занимает твердого места в мифологической традиции, но чаще его все-таки признают за сына Атрея⁵. Его-то и воспитал вдали от родного дома Фиест, которого юноша считал родным отцом; Фиест же подослал Плисфена во дворец Атрея с наказом убить его владельца, но Атрей, распознав в юноше сына Фиеста, предупредил его намерения и убил его, не зная, что имеет дело с собственным сыном. Надо признать, что Фиест замыслил достаточно коварную интригу: кто бы ни пал ее жертвой – отец или сын (или оба вместе) – собственные дети Фиеста были бы отомщены сполна.

Другой тип интриги представлен сюжетами, в которых мотивы мести вполне понятны, но объектом ее являются ни в чем не повинные люди. Наилучший пример – "Медея": измена Ясона, чувство оскорбленного женского достоинства, естественная в таких случаях ревность объясняют страшную месть, задуманную героиней, но ни погибающая в мучениях коринфская царевна Главка, ни ее отец, ни тем более собственные дети Медеи не виноваты в решении Ясона. Другой случай – "Ипполит", где целомудренный юноша, отвергнув любовные притязания мачехи, становится жертвой ее посмертной клеветы. Аналогичным было содержание несохранившейся трагедии "Феникс" (вероятно, хронологически достаточно близкой к "Ипполиту"). Здесь (иначе, чем в "Илиаде", IX, 448–457) юноша также отвергал притязания наложницы своего отца Аминтора, становился жертвой клеветы и подвергался ослеплению⁶.

Разновидность того типа интриги, который известен нам по "Ипполиту" и "Фениксу", была представлена еще в двух, тоже недошедших, трагедиях – в "Сфенебее" и "Пелее". В обеих драмах благородные герои (Беллерофонт и Пелей) находили приют и очищение от случайно пролитой крови в домах у царей, чьи жены (Сфенебея и Астидамия) не отличались таким же благородством; в обоих случаях молодые люди не могли даже помыслить о посягательстве на ложе своих благодетелей и становились объектами клеветы со стороны отвергнутых женщин; в обоих случаях доверчивые мужья (Прет и Акаст) не рещались все же

⁴ *Наук.* С. 550 сл.; *Гигин*, № 24; *Диодор Сиц.* IV. 50. 5 – 52. 2. Возможно, остаток "содержания" "Пелиад" дошел в папирусном отрывке. *P. Oxy.* 2455, фр. 18 (см. *Luppe W.* *Plazierung und Identifizierung von P. Oxy.* 2455. Fr. 18 // *Anagenesis.* 1983. V. 3. P. 128–142. О другой возможности обнаружить "содержание" "Пелиад" см. *Sijpesteijn P.* *The Rejuvenation Cure of Pelias* // *ZPE.* 1972. Bd 9. S. 104–110 = *Papyri Amstelodamenses I.* № 7. S. 16–18.

⁵ *Aeschylus.* *Agamemnon ed. with commentary / Ed. Fraenkel.* V. III. Oxf., 1950. P. 740 ad v. 1569.

⁶ *Наук.* С. 621; *Аполлодор.* III. 13. 8.

расправиться с мнимым оскорбителем, которого сами только что очистили от скверны, и замыслили, как бы избавиться от него с чужой помощью. Прет послал Беллерофонта в Ликийю к Иобату. Акаст отправил Пелея на охоту, причем спрятал его чудесный меч, которым тот мог бы отбиться от нападавших на него кентавров; если бы не вмешательство Хирона, Пелею пришлось бы туго. Таким образом, оба юных героя избежали гибели, но зато обрушивали ее на виновниц их бедствий: Беллерофонт сбросил Сфенебею с взмывшего в воздух Пегаса, Пелей убил Астидамию и, расчленив ее тело, прошел по останкам в завоеванный им Иolk⁷. Неправедная месть обернулась в обеих трагедиях против самих замысливших ее.

В следующем типе интриги ее побудительные мотивы оказываются вовсе низменными.

Один из сюжетных мотивов "Андромахи" составлял инспирированный Орестом дельфийских жрецов против Неоптолема; таким путем Орест мстил ему за то, что Менелай выдал замуж за сына Ахилла свою дочь Гермению, ранее обещанную сыну Агамемнона.

В "Паламеде", поставленном в 415 г. вместе с "Александром" и "Троянками", Одиссей не мог простить герою того, как тот разоблачил его попытку уклониться от участия в Троянской войне, и задумывал далеко идущую провокацию: тайно зарыв под палаткой Паламеда мешок с золотом, он затем подбросил ахейцам подложное письмо, якобы отправленное Паламедом Приаму, и добился осуждения и казни ни в чем не повинного человека⁸.

Вариантом этого типа интриги являлся такой поворот событий, при котором обман или злодеяние обрушивались своими последствиями на самого их инициатора. Материалом здесь снова служат трагедии, дошедшие только фрагментарно. Так обстояло дело в одном из произведений, относящихся к самому началу известного нам творческого пути Еврипида, – в "Алкмеоне в Псофиде", показанной в 438 г. вместе с "Алкестидой". Как известно, Полиник, собирая семерых вождей для похода против Фив, подкупил Эрифилу, жену Амфиарая, дорогим пеплосом и ожерельем Гармонии, чтобы она подговорила мужа принять участие в походе. Амфиарай, зная, что он не вернется домой живым, завещал своему сыну Алкмеону отомстить матери. Тот выполнил наказ, но, естественно, должен был искать очищения от пролитой крови, которое совершил над ним царь Псофиды Фегей; он даже выдал за свою дочь Арсиною. Ей и достались сокровища Гармонии. Однако земля Псофиды не захотела терпеть матереубийцу, и Алкмеон получил прорицание отправиться к Ахелюю (реке и одноименному богу) за новым очищением. Достигнув цели, он получил в жены дочь речного бога Каллирою, которая стала требовать себе пеплос и ожерелье. Алкмеон вернулся в Псофиду, сообщил Фегею, что должен посвятить злосчастные сокровища в Дельфы. Замысел Алкмеона почти удался: Фегей вручил ему пеплос и ожерелье, но узнал от слуги, что драгоценности предназначены вовсе не для храма Аполлона, а для удовлетворения тщеславия Каллирои. Тогда сыновья Фегея подстергли Алкмеона в засаде и убили его⁹.

Содержание другой трагедии, относимой нами к этому типу интриги, – "Ино" (до 425 г.) – восходит к фольклорному мотиву: "Мачеха, преследующая пасынков". Героиня трагедии, будучи супругой фессалийского царя Афананта, удалилась на Парнас для участия в вакхических неистовствах; мужу она оставила двоих сыновей. Посчитав жену погибшей, царь женился на другой женщине по имени Фемисто, от которой также имел двух сыновей. Со временем Афанант узнал, где находится Ино, велел ее привести и отдал в служанки Фемисто, не сказав, однако, новой жене, чьими услугами она будет пользоваться. Со своей стороны Фемисто вздумала известить детей мужа от предыдущего брака и приказала Ино одеть их в черное, а своих детей – в белое. Ино, конечно, поступила наоборот, Фемисто убила собственных детей и, узнав правду, наложила на себя руки. Дальнейшее развитие событий не вполне ясно. По-видимому, Афанант, впав в безумие от всего случившегося, убивал одного из сыновей от Ино, а сама она, спасаясь от мужа, вместе со вторым сыном бросалась в море, где

⁷ К "Сфенебее" см.: *Наук.* С. 567 сл.; *Аполлодор.* II. 3. 1; *Арним.* С. 43–45; *Пэйдж.* С. 126–129; *Р. Оху* 27 (1962). 2455, фр. 5 и 6; *Korzeniewski D.* Zum Prolog der Stheneboia des Euripides // *Philologus.* 1964. Bd. 108. S. 45–65; *Luppe W.* Zu P. Strasb. 2676 BD: Stheneboia – Hypothesis. ZPE. 1984. Bd. 55. S. 7 f. К "Пелею" см.: *Аполлодор.* III. 13. 2–4; *Антонин Либерал.* 38, 3. Само собой разумеется, что о смерти обеих женщин могло сообщаться только в эпилоге трагедий, скорее всего в прорицании какого-нибудь *deus ex machina*. Жертвой своей клеветы становилась в трагедии "Тенн" жена Кикна Филонома (см. *Аполлодор.* Эпит. III. 24 сл.); впрочем, уже древние считали эту трагедию не принадлежащей Еврипиду, и современные издатели включают ее в число произведений Крития (см. *Tragicorum Graecorum Fragmenta.* 1². Göttingen, 1986. S. 182 f.).

⁸ *Наук.* С. 541 сл.; *Гигин.* № 105; *Scodel R.* The Trojan Trilogy of Euripides. Göttingen, 1980. P. 43–63.

⁹ *Наук.* С. 379 сл.; *Аполлодор.* III. 7, 5; *Павсаний.* VIII. 24, 7–10; *Ван Лау.* С. 78–103, 310–312.

они превращались в морских божеств – Левкотею и Палемона¹⁰. Скорее всего, об этих последних событиях сообщал в виде прорицания в качестве *deus ex machina* какой-нибудь бог, возможно, Дионис, как он делает это в отношении пасынков самой Ино в трагедии "Фрикс", о которой еще пойдет речь. Как бы то ни было, ясно, что интрига, затеянная Фемисто, стоила жизни ей самой и ее детям. Нечто подобное происходило и в "Андромеде" (412 г.). Финей, жених девушки, прикованной к скале в наказание за высокомерие ее матери, спокойно дожидался, пока морской дракон съест невинную жертву. Когда же Персей освободил Андромеду с условием, что ее отдадут ему в жены, Финей составил заговор с целью убить освободителя царской дочери, так что Персею пришлось пустить в ход голову Горгоны, которая и превратила в камень Финей и остальных заговорщиков¹¹.

ЗаклЮчить этот раздел можно изложением содержания трагедии "Архелай", написанной Еврипидом в конце его жизни в Македонии. Изгнанный братьями Архелай, сын Темена¹², праправнук Геракла, прибыл в Македония, где тесным соседями царь Киссей обещал герою руку дочери и царство, если тот избавит его от врагов. Когда же Архелай победил противников в битве и стал требовать обещанного, Киссей задумал от него избавиться и велел вырыть на его пути яму, наполнить ее тлеющими углями и прикрыть хворостом. Предупрежденный о заговоре царским слугой Архелай вызвал Киссея якобы для тайной беседы и столкнул его в заготовленную огненную яму¹³.

Таким образом, во всех упомянутых здесь трагедиях, несомненно, имела место интрига различной степени сложности, которая завершалась, как правило, смертью то ли преступника, ставшего жертвой справедливой мести, то ли невинного, вовлеченного не по своей воле в трагическую ситуацию, то ли самого замыслившего заговор¹⁴. В тех же произведениях Еврипида, которые принято называть "трагедиями интриги", картина совсем иная: угроза гибели и здесь витает либо над самими героями, либо над их детьми, но она отворачивается благодаря случаю или благоприятному стечению обстоятельств. При этом неправильно думать, будто такой тип трагедии впервые зародился в сознании Еврипида только в последние десятилетия его жизни; первые примеры интриги с благополучным завершением при помощи случая прослеживаются в его творчестве достаточно рано.

В нашу подборку включены фрагменты из 11 трагедий Еврипида (в примерном хронологическом порядке: "Эгей", "Кресфонт", "Александр", "Меланиппа-узница", "Фрикс", "Мудрая Меланиппа", "Алопа", "Авга", "Антиопа", "Гипсипила", "Алкмеон в Коринфе"),

¹⁰ *Наук.* С. 482; *Гигин.* № 4.

¹¹ *Аполлодор.* II. 4. 3. У Гигина (№ 64) в заговоре принимает участие сам отец Андромеды Кефей, нарушая, таким образом, свое обещание (ср. сходную ситуацию ниже – в "Архелаете"). К сожалению, из сохранившихся фрагментов невозможно понять, была ли в трагедии сцена договора против Персея или Финей предьявлял свои права, явившись сразу на свадьбу. Может быть, только фр. 149 содержит его запоздалое раскаяние: "Виною молодость и смелость неразумная". Нет ничего о заговоре и в остатках послееврипидовских "Андромед" – у Энния и Акция. Из последнего, впрочем, ясно, что Кефей обвинял Финей в страхе и медлительности, а последний искал благовидные предлоги для оправдания (фр. 65–67 W). Только по названиям известны мне две новейшие работы: *Bubel F. Euripides' Andromeda.* Stuttgart, 1991; *Klimer-Winter R. Andromedatragödien.* Sophokles, Euripides, Livius Andronikos, Ennius, Accius. Text. Einleitung und Kommentar. Stuttgart – Lpz, 1993.

¹² Судьба самого Темена составляла содержание трагедии "Темениды" (время постановки определяется достаточно широко – от 422 до 406 г.), о которой имеются разноречивые сведения в источниках. Все же надо признать и в этой драме наличие интриги. Сыновья Темена, недовольные предпочтением, которое он оказывал своему зятю Деифонту, задумали погубить отца и наняли для этого заговорщиков, устроивших ему засаду во время купания в реке. Им, однако, удалось только ранить царя, успевшего перед смертью передать царство Деифонту и разоблачить сыновей (*Диодор Сиц.* VII. 13. 1). По другой версии царскую власть Деифонту вручило войско (*Аполлодор.* II. 8. 5). См. *Harder M.A. Euripides' Temenos and Temenidai // Fragmenta Dramatica. Beiträge...* Göttingen, 1991. S. 117–135.

¹³ *Наук.* С. 427; *Гигин.* № 219; *Остин.* С. 11 сл.; *Harder A., Euripides' Kresphontes and Archelaos.* Leiden, 1985. P. 125–147. Если в упомянутом выше "Паламеди" сам Навплий или какой-нибудь *deus ex machina* сообщал о его намерении завлечь флот ахейцев на пути из-под Трои обманными сигнальными огнями на подводные скалы, то эта трагедия невинной гибели могла предвещать интригу с целью справедливой мести.

¹⁴ Особняком среди прочих трагедий Еврипида с использованием интриги стоит "Ифигения в Авлиде". Здесь тоже девушку, обреченную на заклятие, заманивают в ахейский лагерь под ложным предлогом ее бракосочетания с Ахиллом, но при этом преследуется патриотическая цель: без жертвоприношения Ифигении греческий флот не может покинуть гавань в Авлиде, чтобы покарать троянцев за преступление Париса.

которые охватывают не менее 30 лет, т.е. больше, чем половину творческого пути Еврипида¹⁵. Поскольку во вступительных заметках к каждой трагедии дается характеристика источников и делается, насколько это возможно, попытка их реконструкции, здесь нет необходимости излагать их содержание. Более целесообразным представляется классифицировать используемые в них сюжетные мотивы и принципы построения.

С точки зрения сюжетных мотивов можно выделить по меньшей мере три типа трагедий интриги и случая.

Первый из них наиболее близок к уже известным нам трагедиям мести. Так, первая половина "Кресфонта" напоминает драмы с участием Ореста: юный наследник престола, вовремя спрятанный в надежном месте и теперь не узнанный ни царем-узурпатором, ни собственной матерью (которая в отличие от Клитеместры против воли делит ложе с убийцей своего первого мужа), является в отчий дом, чтобы, обманом усыпив бдительность царя, убить его и воцариться в своей земле. Здесь, однако, подключается новый мотив: заподозрив в пришельце убийцу своего сына, мать готова сама его убить, и только вмешательство старого слуги, бывшего посредником между матерью и сыном, предотвращает ситуацию, которую Аристотель считал одной из наиболее эффектных для организации сценического действия (К., св. 3, 4). В трагедию же Еврипида вторгается новый сюжетный ход: мотив мести, исполнению которой мешает счастливый случай.

Готовность матери к убийству собственного, не узнанного ею сына, и спасительная роль старого слуги позволяют объединить с "Кресфонтом" трагедию "Александр", хотя поведение Гекубы и не может здесь быть оправдано долгом справедливой мести: вся "вина" Александра состоит только в том, что Гектор и Деифоб, сыновья Гекубы, уступили неизвестному пришельцу первенство в спортивном агоне, и Гекубой руководит чувство оскорбленной матери (см. А., св. 5; фр. 25), которое можно, если не простить, то хотя бы понять. Иначе обстояло дело в самой ранней из открывающих нашу подборку трагедий – в "Эгее", где переселившаяся в Афины Медея затевала адскую интригу ради устранения Тесея и его введенный в заблуждение отец уже готов был поднести неузнанному сыну яд, когда в дело снова вмешивался случай – на этот раз в виде опознавательных признаков при сыне, выросшем в отсутствии отца (Э., св. 1–3). С другой стороны, "Эгей" открывает ряд трагедий, где беда грозит детям от более раннего брака со стороны мачехи. О произведении такого рода с трагическим исходом ("Ино") мы уже говорили. Теперь сама Ино становится инициатором злодейского замысла против пасынка ("Фрикс"), прибегнув для этого к ложному пророчеству (Ф., св. 1, 2; фр. 2). И здесь дело дошло почти до смертельного исхода, когда старый слуга, знавший всю историю заговора, из сострадания к невинному юноше открывал его отцу вину Ино, и теперь ей самой угрожала гибель, от которой ее спасал бог Дионис (Ф., св. 2, 4). Отметим в этой трагедии снова роль слуги, как это имеет место в "Архедае" (см. выше).

Наконец, группу трагедий "несущественной мести" с участием злокозненной мачехи завершает "Меланиппа-узница", где царица Феано, сначала усыновив найденной, затем, после рождения собственных детей, стремится избавиться от приемной. В отличие от ранее рассмотренных трагедий, здесь, однако, спасение приносят не случай и не приметы, а собственная доблесть молодых людей (М., фр. 5). К тому же братья Феано погибают в схватке с ее приемными сыновьями, и таким образом, эта драма только отчасти увенчивается благополучным исходом.

Вместе с тем "Меланиппа-узница" подводит нас к другой группе достаточно однотипных трагедий случая, в которых девушка становится жертвой насилия со стороны бога (реже – героя). Среди целиком дошедших трагедий этот мотив служит исходным пунктом для развития действия в "Ионе", среди несохранившихся – кроме "Меланиппы-узницы" – также в "Мудрой Меланиппе", "Авге", "Алопе" и "Антиопе". В оформлении этого сюжета возможны варианты. Например, отец замечает беременность дочери и передает виновницу для наказания кому-нибудь из близких, кто должен заточить ее в тюрьму или бросить в море. По дороге, однако, молодая мать разрешается от бремени и либо подбрасывает новорожденных, либо передает их какому-нибудь оказавшемуся поблизости пастуху (Ан., св. 1–3). Возможно также, что беременность и роды протекают втайне от отца и тогда мать подбрасывает новорожденных, надеясь скрыть последствия своего невольного греха (М., св. 1–2; Ал., св. 1). Подкидышей и в этом случае находят пастухи, но предварительно младенцев кормит некоторое время какое-

¹⁵ В дальнейшем ссылки на названия даются в сокращении: А. – "Александр", Ав. – "Авга", А.К. – "Алкмеон в Коринфе", Ал. – "Алопа". Ан. – "Антиопа", Г. – "Гипсипила", К. – "Кресфонт", М. – "Мудрая Меланиппа", М.у. – "Меланиппа-узница", Ф. – "Фрикс", Э. – "Эгей". Ссылки на свидетельства (св.) и фрагменты (фр.) – по нумерации, принятой в пределах каждой трагедии.

нибудь животное: корова (М., св. 1), лань (Ав., св. 1), кобылица (Ал., св. 1). Существует также версия, что и подброшенного Париса кормила медведица (А., св. 3). Средством узнавания подкидышей служат оставленные при них вещи: кольцо Геракла – при его сыне от Авги (св. 1), кусок одежды Алопы – при ее сыне от Посидона (св. 1). Разумеется, после обнаружения подброшенных детей как матери, так и им грозит гибель (М., св. 1–2, фр. 6; Ав., св. 1; Ал., св. 1), от которой их спасает вмешательство божественного отца или другого персонажа, прибывшего к лику героев или пророков.

Впрочем, узнавание подброшенных матерью или почему-либо разлученных с нею (или с отцом) сыновей может произойти и значительно позже, когда дети уже выросли. Из названных выше трагедий такой ход используется в "Антиопе", где взрослые сыновья поначалу не признают матери, а, признав, сомневаются в своем божественном происхождении¹⁶. Это позднее узнавание дает основание отнести "Антиопу" также к трагедиям третьей группы, где, в отличие от предыдущих, нет никакого совращения девушки, а есть только неблагоприятное стечение обстоятельств, заставляющих родителей надолго потерять из виду своих детей. Так, в частности, обстоит дело в "Гипсипиле" (св. 5; фр. 18, ст. 307–329) и в "Алкмеоне в Коринфе" (св. 1). Конечно, и здесь для благоприятного завершения требовался, с одной стороны, счастливых случай, с другой – опять же появление *deus ex machina*, например, Гермеса (Ан., св. 1, 2; фр. 43, ст. 64–67). Вмешательство *deus ex machina* ставит нас перед проблемой, многократно обсуждавшейся в литературе о Еврипиде: видел ли он в божественном спасителе какого-то гаранта мировой справедливости, который должен был возратить сбившийся с пути истинного мир в его рациональную колею, или для драматурга *deus ex machina* служил не более чем техническим приемом, чтобы привести разработанный им вариант мифа к его традиционному завершению? Общеизвестный скепсис Еврипида в отношении богов заставляет усомниться в его вере в их благодетельное участие в судьбах смертных. К тому же героев тех трагедий, которые являются здесь предметом рассмотрения, чаще выручает благополучное стечение обстоятельств или их собственная активность, чем непосредственное вмешательство божества: Эгей узнает Тесея по своему мечу и сандалиям (Э., св. 1–3); Кресфонта и Александра узнает старый слуга (К., св. 1; А., св. 5), такой же слуга спасает Фрикса (фр. 9), пастух открывает Амфиону и Зету их происхождение от Антиопы (Ан., св. 1, 2), Амфиарай – Евну и Фоанту, что их мать улетается Гипсипила; сыновья Меланиппы благодаря собственному мужеству справляются с противником. Боги, появляющиеся "под занавес", по существу, только санкционируют исход событий, которые развивались по собственному пути, подчиняясь игре случая. Два стиха из "Фрикса", вынесенные в эпиграф настоящей статьи, только констатируют противоречие между ролью богов и значением случая, отнюдь не снимая его. В рассматриваемых здесь трагедиях боги крайне редко развязывают безнадежно запутавшийся узел трагических проблем, как это имело место, положим, в "Филокете" у Софокла. Когда Дионис во "Фриксе" выручал Ино, то он скорее поступал вопреки справедливости, которая требовала казни заговорщицы. Посидону, судя по всему, не удавалось спасти Алопу, коль скоро он превратил ее в источник (Ал., св. 1).

Вместе с тем было бы непростительным упрощением видеть в Еврипиде последовательного атеиста, ставившего своей целью разоблачение богов и освобождение современников от наивной религиозности. Пусть *deus ex machina* и с опозданием освящает своим авторитетом сложившееся положение вещей, он все-таки нередко вызволяет людей из бед. Так, в "Ифигении в Тавриде" и в "Елене" бог спасает героев от погони, без чего все их усилия оказались бы напрасными. Среди недошедших трагедий выделяется в этом смысле "Фрикс", где Нефела избавляет от преследования своих детей, то ли похищая сына прямо у жертвенного алтаря, то ли посылая им златорунного барана в некую пустынную местность (св. 1, 2 и 4). В других трагедиях, если верна их предполагаемая реконструкция, Афина или Аполлон предрекает благополучное прибытие Авги в Мисию и ее последующую встречу с выросшим сыном; Посидон направит сыновей Меланиппы в Эолию и Беотию, а Гиппофонта, своего сына от Алопы, назовет эпонимом одной из аттических фил; Гермес откроет будущее Амфиону и Зету (этот случай божественного вмешательства подтверждается и дошедшим текстом – см. Ан., фр. 43, ст. 80–97)¹⁷. Другими словами, в явлении *deus ex machina* знающего, в отличие от смертных,

¹⁶ Ан., фр. 26; 43, ст. 68–71; ср.: Ион, ст. 1520–1531.

¹⁷ Заметим, что пророческие функции унаследовали от богов еврипидовской трагедии божества или обожествленные персонификации в комедии Менандра, с той, однако, разницей, что они успевали сообщить зрителям о благополучной развязке еще до того, как начинались всевозможные осложнения. Ср. роль Пана в "Брюзге", Неведения – в "Остриженной", Тихи – в "Щите". Появления какого-нибудь божественного персонажа надо было ожидать, вероятно, также в "Третьейском суде", "Ненавистном" и "Герое".

будущее, Еврипид и его зрители могли улавливать существование в мире хоть малой доли той разумной закономерности, которая, несмотря на все драматические коллизии, в конечном счете торжествовала в драмах Эсхила и Софокла. Что касается самого Еврипида, то говорить о сколько-нибудь законченной теодицее в его произведениях не приходится, и меньше всего – в трагедиях слугая.

Следует при всем том отметить, что сценическое бытие героев этих трагедий складывается отнюдь не безмятежно. Так, угроза смерти нависает не только над подброшенными младенцами и неузнанными сыновьями, она достаточно долго дает себя знать и по отношению к их матерям: Меланиппа, Авга и Алопа заключены отцами в темницу, две последние – в ожидании казни; Антиопа терпит издевательства и заточение от Дирки, которая в конце концов ведет ее на смерть; Гипсипила избегает казни только благодаря вмешательству Амфиарая, но все же попадает в тюрьму. Расправа угрожает сначала Фриксу, потом – Ино ("Фрикс"). Жертвами заговора могут стать выросшие дети Меланиппы (М.у.). В двух случаях причиной преследования героев становится стихийное бедствие: один раз – спровоцированное людьми ("Фрикс"), другой раз – как наказание за осквернение храма (Ав., фр. 1, 2).

Наконец, как всегда у Еврипида, развитие событий и размышления персонажей сопровождаются высказываниями общего порядка, которые трудно включить в какую-нибудь определенную ситуацию. Так, неоднократно повторяется мысль о том, что счастье приносит только равный брак и долг жены – переносить вместе с мужем все тяготы жизни; напротив, нет худшей беды для мужа, чем сварливая или чересчур требовательная жена (Э., фр. 3; М.у., фр. 1–3 и 6–9; Ан., фр. 27–28 и 33–34; Ал., фр. 7). Высоко оценивается женская солидарность и готовность слабого пола ко всяким уловкам (К., фр. 8; Ан., фр. 27–28; Ав., фр. 3; Ал., фр. 3). Не один раз заходит речь о рабском сословии: с одной стороны, оно осуждается (А., фр. 6–13 и 21; Ан., фр. 35–37), с другой – утверждается, что в душе раб может быть благороднее свободного (Ф., фр. 9; М.у., фр. 5, ст. 40–43; фр. 10). Не обходится без признания непрочности человеческого счастья и неизбежности смерти (Э., фр. 9 и 11; К., фр. 6 и 9–11; А., фр. 2–3; Ан., фр. 17; Ав., фр. 13), а также веры, что дурные деяния рано или поздно будут раскрыты силой Правды (Ф., фр. 13; М., фр. 5; Ан., фр. 42 и 43, ст. 54 сл.). Осуждаются красивые, но не искренние речи (А., фр. 14–15; Ан., фр. 12–13 и 32). Попадают рассуждения на естественно-космическую тему (М., фр. 4; Ан., фр. 6–8). Все эти мотивы известны и из других трагедий Еврипида, дошедших как целиком, так и в отрывках.

Труднее – в силу специфики материала – делать далеко идущие выводы об употребленных в трагедиях случая композиционных приемах, но похоже, что и в этой области Еврипид оставался верен своей традиционной художественной практике. Так, обычный для него экспозиционный пролог надежно засвидетельствован в обеих трагедиях о Фриксе, в "Мудрой Меланиппе", "Гипсипиле" (Во "Фриксе 2" и двух других трагедиях его содержание составляла генеалогия говорившего), "Антиопе", "Авге"; достаточно оснований предполагать его в "Кресфонте" и "Александрe". За прологом следовала диалогическая сцена: разговор Кресфонта со служанкой (К., фр. 1), Гипсипилы с сыновьями (Г., фр. 3). Парод в форме обмена лирическими строфами между солистом и хором совершенно очевиден в "Кресфонте" (фр. 3–4) и "Гипсипиле" (фр. 5–8), как это было у Еврипида в "Троянках", "Ифигении в Тавриде", "Электре", "Елене" и у Софокла – в то же поздней "Электре". По меньшей мере в двух случаях имел место обширный агон: в "Александрe" (фр. 6–19) и "Антиопе" (фр. 9–24). Характер агона носила, вероятно, большая сцена с участием Евридики и Гипсипилы (Г., фр. 15–17). Возможно, из агона "Мудрой Меланиппы" – ее доводы в пользу подброшенных детей (св. 2; фр. 3–6). Еще в двух случаях известно о появлении дополнительного хора: пастухов – в "Александрe" (св. 2 и 5), женщин, чествующих Вакха, – в "Антиопе" (св. 1 и 6; прим. к фр. 40). Что касается такой важной сцены, как узнавание, то ни от одной трагедии ни одного фрагмента из нее не сохранилось. О завершающих трагедии монологах *deus ex machina* мы уже говорили.

В заключение – несколько слов о составе нижеследующей подборки.

Материал внутри каждого раздела, посвященного одной трагедии, расположен по единой схеме: вступление, объем которого зависит от уровня наших знаний о данной драме; свидетельства; фрагменты, между которыми в квадратных скобках помещены связующие их замечания и предположения по реконструкции содержания, включая сюда цитаты из римских драматургов. Для каждой пьесы приводится своя нумерация свидетельств и фрагментов; при последних в скобках, если нет других указаний, даны отсылки к нумерации фрагментов по изданию Наука. Фрагменты римских драматургов приведены по изданию: *Remains of Old Latin*. Ed. E. N. Warmington. V. I–II. Camb. Mass. – London, 1967–1979. Составитель не ставил своей задачей исправление стиля античных свидетельств. Если в изложении Гигина прошедшее время

перебивается настоящим и три фразы из четырех начинаются с союза *cum*, то в переводе эти особенности оригинала будут оставлены.

Что касается литературы вопроса, то максимально подробно даны отсылки к античным источникам и публикациям папирусных текстов; напротив, современная научная литература приводится выборочно, и среди нее преимущественно – последние по времени работы, в которых читатель, как правило, найдет указания на предшествующие исследования. Незаменимым путеводителем по библиографии остаются названные в начале вступления обзоры Метте.

ЭГЕЙ

Согласно мифу, афинский царь Эгей, долго оставаясь бездетным, отправился в Дельфы за советом, как обзавестись наследником. Получив непонятное пророчество, он обратился за разъяснением к трезенскому царю Питфею, который положил Эгея переночевать со своею дочерью Эфрой. Ожидая рождения от этого союза сына, Эгей оставил Эфре свой меч и сандалии и велел, чтобы сын – Тесей, достигнув возмужалости, взял эти опознавательные знаки и отправился на поиски отца¹⁸. По дороге Тесей расправился с разбойниками, терзавшими путников (Синис, Скирон, Прокруст), и достиг Афин. Дальше начинается содержание трагедии, ясное в общих чертах из приводимых ниже свидетельств. Разница между ними только в том, что, по Аполлодору, поход Тесея на Марафонского быка провоцирует Медея, а по Плутарху (и более частой версии мифа), Тесей отправляется против него, уже будучи узан Эгеем.

Точное время постановки трагедии неизвестно, однако все большее распространение получает мнение, что она принадлежит к "раннему" периоду творчества Еврипида – от начала 40-х до середины 30-х годов V в.

Свидетельства

Св. 1¹⁹. Медея была дочерью Ээта и женой Ясона. После совершенного ею в Коринфе убийства своих детей она явилась изгнанницей в Афины и вышла там замуж за Эгея, сына Пандиона. Когда Тесей, рожденный Эгею Эфрой, прибыл туда из Трезена, чтобы узнать своего отца, она убеждает Эгея дать ему смертельного яда, сказав, что Тесей явился с мыслью отнять у него царскую власть. Убежденный ею Эгей поднес сыну яд, но когда тот уже собирался его выпить, отец узнал свой меч и сандалии – опознавательные признаки, которые он оставил в Трезене. Он отобрал у него яд, а Медею изгнал из Аттики.

Св. 2²⁰. Итак, очистив дорогу (от злодеев), Тесей прибыл в Афины. Но Медея, жившая тогда с Эгеем, устроила заговор против пришельца: она убеждает Эгея остерегаться его, так как он-де злоумышляет против него. Эгей, не зная собственного сына, в страхе послал его против Марафонского быка. Когда же Тесей убил зверя, Эгей, получив от Медеи приготовленный в тот же день яд, поднес его пришельцу. Но в то мгновенье, когда Эгей собирался поднести ему питье, Тесей вручил отцу меч. Узнав его, Эгей вырвал из рук сына чашу. Опознанный отцом по приметному знаку Тесей, поняв смысл заговора, изгнал Медею.

Св. 3²¹. Тесей прибыл в Афины. Он застал в городе волнения и распри, да и в семье Эгея все было неладно. С ним жила бежавшая из Коринфа Медея, которая посулила царю с помощью волшебных зелий исцелить его от бездетности. Догадавшись первой, кто такой Тесей, она уговорила Эгея, еще ни о чем не подозревавшего, дряхлого и во

¹⁸ *Еврипид*. Медея, 665–685; *Плутарх*. Тесей. 3.

¹⁹ Схол. к Ил. XI. 471.

²⁰ *Аполлодор*. Эпит. I. 4–6.

²¹ *Плутарх*. Тесей. 12 (пер. С.П. Маркиша).

всем видевшего угрозу мятежа, опоить гостя ядом во время угощения. Придя к завтраку, Тесей почел за лучшее не открывать, кто он такой, но предоставить отцу возможность самому узнать сына; и вот, когда подали масо, он вытащил нож, чтобы, разрезая еду, показать старику меч. Эгей сразу узнал свой меч, отшвырнул чашу с ядом, расспросил сына, обнял его и, созвавши граждан, представил им Тесея; афиняне радостно приняли юношу – они были уже наслышаны о его храбрости.

Фрагменты

[При немногочисленности сохранившихся фрагментов всякая попытка реконструкции хода действия обречена на неуспех. Можно только некоторые из них отнести к определенным ситуациям. Так, афиняне спрашивают Тесея о его происхождении:]

Фр. 1 (1). Как землю нам назвать, что ты покинул, гость,
Коль в город наш пришел? Отцовский где удел?
Кто твой родитель? Чьим зовешься сыном ты?

Фр. 2 (2). Как в день десятый мать нарекла тебя?²²

[Вопросы эти, как следует из Плутарха, оставались без ответа. Но, может быть, еще до начала интриги Тесей узнавал, что Эгей находится под властью жены:]

Фр. 3 (3). У мужа робкого жена в речах смела.

[После разоблачения Медеи хор реагировал на ее злодейский план сентенцией корифея:]

Фр. 4 (4). Когда отец повторным браком женится,
Вражды всегда полна супруга к пасынкам.

[Если Медея пыталась оправдаться, то к ней могло быть обращено предупреждение Эгея:]

Фр. 5 (5). Замкни уста – иль бед не избежать тебе!

[Остальные фрагменты носят достаточно общий характер:]

Фр. 6 (6). Что людям может быть дороже родины?

Фр. 7 (7). Богатств дороже и земли ухоженной
С мужами справедливыми общение.

Фр. 8 (8). Коль благороден муж, то в подчинении
Быть у него прекрасно.

Фр. 9 (10). ...Ведь умирать приходится
И тем, кто в доме вовсе без забот живет.

Фр. 10 (389). Коль очень в деньгах человек нуждается
И смелости хватает руки в ход пустить,
То силой у имущих отберет добро²³.

[Еще два фрагмента, судя по лирическим размерам, заимствованы из хорových партий:]

Фр. 11(9). Лучше всякого рода знатного
Жизнь счастливая.

Фр. 12 (11). Тот, кто доблести не явил,
Все равно смерти предстанет²⁴.

²² Древние греки давали имя ребенку на десятый день после рождения. См.: *Еврипид. Электра*. 654; *Аристофан. Птицы*. 494, 922.

²³ Фрагмент приведен у Стобея, причем в одной рукописи указано «из "Тесея"», в двух других – «из "Тесея", "Эгея"». К одной из этих трагедий может быть возведен и недавно опубликованный папирусный фрагмент (Р. Оху. 50(1983), 3530), в котором ст. 7 совпадает, за исключением одной формы, с фр. 926, сохранившимся без указания на название трагедии Еврипида. Плохо сохранившиеся 13 стихов принадлежали, скорее всего, к монологу вестника, сообщавшего о сражении Тесея с быком, вероятно, Марафонским. Упоминался его "кривой рог", "язык, облизывающий ноздри" и палица, с помощью которой Тесей одолел зверя. Впрочем, добавлял вестник, хотя Тесей и зовется сыном Эгея, на самом деле он происходит от Посидона. Стало быть, когда Тесей отправился против Марафонского быка, он уже был узнан отцом, что противоречит св. 1 и 2.

²⁴ Фрагмент отрывочный, и перевод – приблизительный.

[В трагедии упоминался также Панакт (фр. 12) – городок на границе Аттики и Беотии, находившийся совсем в стороне от пути Тесея как из Трезена в Афины, так и из Афин в Марафон; назначение его в пьесе непонятно.]

КРЕСФОНТ²⁵

Содержание трагедии достаточно связно передают свидетельства 1 и 2; различие между ними и сравнительно недавно опубликованными папирусными фрагментами сводится к тому, что у Еврипида сын убитого царя носил имя Кресфонт, в то время как Гигин называет его Телефонтом, а Аполлодор – Эпитом. Зато Аполлодор ближе к Еврипиду, сообщая, что Кресфонт был укрыт матерью у его деда (по мифологической генеалогии Меропа была дочерью Кипсела, царя Аркадии). Два обстоятельства остаются, впрочем, не вполне ясными. Во-первых, явился ли Кресфонт с уже готовым планом выдать себя за того человека, убийце которого Полифонт посулил золото, или эта мысль созревает у него только по прибытии в Мессению. Во-вторых, как, собственно, происходило узнавание сына матерью. Скорее всего, о готовности отомстить убийце своего сына Меропа сообщала в монологе перед воротами дворца, а затем входила в дом в сопровождении старика, который и узнавал в спящем юного Кресфонта (для изображения сцены внутри дворца использовалась, естественно, эскиклема).

Два относительно крупных папирусных отрывка из трагедии обнаружены сравнительно недавно: один в лондонском собрании из Оксиринха (Р. Оху. 27(1962), 2458), другой, добытый в конце 1980-х годов в результате демонтажа мумии, – в коллекции Мичиганского университета (Р. Mich. Inv. 6973). Он происходит скорее всего из Фаума и относится ко II в. до н.э. По счастливому совпадению, первые 30 стихов мичиганского папируса накладываются на последнюю часть уже известного оксиринхского, так что вместе они дают около 90 стихов из начала трагедии. Колонке I мичиганского папируса предшествовала, по расчетам его издателей, еще 5 колонок по 23–24 стиха, т.е. 115–120 стихов.

Документальных данных о времени постановки "Кресфонта" не сохранилось. В качестве *terminus ante quem* принимаются аристофановские "Земледельцы", относимые к Великим Дионисиям 424 г.: фр. 111 PCG содержит очевидную пародию на хоровую песнь из "Кресфонта" (ниже, фр. 15). *Terminus post quem* может служить текст Геродота (V. 4.2), совпадающий с нашим фр. 11 из "Кресфонта" не только по содержанию, но и по его лексическому оформлению. Публикацию "Истории" Геродота относят обычно к 430–425 гг. Таким образом, почти общепризнанным временем создания "Кресфонта" надо считать отрезок между 430 и 424 гг.

В древности трагедия была весьма популярна. На нее ссылаются Аристотель и Демосфен (св. 3, 4, 6). В Риме ее переложил Энний (фр. 133–139). Автор трактата "Утешение, адресованное Аполлонию", сохранившегося под именем Плутарха, видел "Кресфонта" на сцене, так как описывает ее воздействие на зрителей (фр. 7 и 8). Наконец, упомянутый выше папирусный фрагмент из Оксиринха является частью актерского экземпляра с распределением ролей между протагонистом и три-тагонистом, следовательно, еще в середине III в. н.э. "Кресфонта" представляли на театре.

²⁵ Harder M.A. Euripides' Kresphontes and Archelaos. Introduction, Text and Commentary. Leiden, 1985 (далее – Хардер); Bonnycastle S., Koenen L. Euripides' Kresphontes: A Ptolemaic Fragment from the Papyrus Collection of the University of Michigan (P. Mich. Inv. 6973). Эта работа известна мне по препринту, любезно присланному Л. Кененом. Первоначально предполагалось ее опубликовать в ZPE, но там она так и не появилась (по состоянию на январь 1994 г.). Более точными сведениями, при нынешнем уровне наших зарубежных связей, я не располагаю. По этой статье дается нумерация стихов в фр. 1–4.

Св. 1²⁷. Царь Мессении Полифонт, убив Кресфонта, сына Аристомеха, завладел его царством и женой Меропой... Однако Мeroпа тайно переправила своего малолетнего сына от Кресфонта к другу дома в Этолию. Полифонт очень тщательно его разыскивал и обещал наградить золотом того, кто его убьет. Когда же мальчик достиг зрелого возраста, он решил отомстить за смерть отца и братьев. Итак, он явился к царю Полифонту требовать золото, утверждая, что он убил Телефонта, сына Кресфонта и Меропы. Однако царь повелел ему оставаться в доме, чтобы более обстоятельно разведать дело. Когда утомленный чужестранец заснул, старик, который был посредником между матерью и сыном, пришел в слезах к Меропе, сообщая, что последнего нет у друга дома и что он явно исчез. Мeroпа, полагая, что убийца ее сына – тот человек, который спал в доме, вошла в покой с секирой в руках, не ведая, что собирается убить собственного сына. Однако старик его узнал и удержал мать от преступления. Мeroпа, уведев, что ей представляется возможность отомстить своему врагу, проявила притворную благосклонность к Полифонту. Когда царь с радостью совершал жертвоприношение богам, пришелец, притворившись, будто он хочет сразить жертвенное животное, убил царя и завладел отцовским царством.

Св. 2²⁸. Кресфонт недолго царствовал в Мессении, когда он был убит вместе с двумя сыновьями. Воцарился Полифонт, один из Гераклидов, и взял себе в жены, против ее воли, Меропу, жену убитого царя. Но и Полифонт был убит, ибо Мeroпа отдала на воспитание своему отцу третьего сына, по имени Эпит. Он, достигши зрелости, тайно прибыл (в Мессению), убил Полифонта и вернул себе отцовское царство.

Св. 3²⁹. Примером этого является Мeroпа. У Еврипида в "Кресфонте" она по неведению злоумышляет против своего сына Кресфонта.

Св. 4³⁰. Самый же сильный случай – последний: я говорю о том, как, например, в "Кресфонте" Мeroпа намеревается убить своего сына, но не убивает его, а узнает...

Св. 5³¹. На пятом рельефе изображен Кресфонт, сражающий Полифонта, убийцу его отца. Здесь же и Мeroпа с палкой в руках, помогающая сыну в убийстве.

Брата сразил Полифонт, отца младенца Кресфонта,

Ложе супруги его похотью он осквернил.

Долгие годы спустя Кресфонт объявляется мститель,

Чтоб за отца и за мать пеню с убийцы взыскать.

Мощным ударом копья поражает Кресфонт Полифонта,

Мать помогает ему, рая злодея в висок.

Св. 6³². Но скажи, Эсхин, какими угодно тебе представить себя и меня в тот самый день? Хочешь, представь меня этаким Батталом, над которым ты уже не раз издевался и насмеялся, а себя представь героем, да не первым попавшимся, но из тех, кого играют в театре, – этаким Кресфонтом, или Креонтом, или даже Эномаем, с которым ты некогда провалился на коллитских подмостках?

Св. 7³³. Александр, тиран Фер, слыл одним из самых жестоких людей. Однажды, когда трагический поэт Феодор проникновенно играл роль Меропы, он заплакал и покинул театр.

²⁶ Наук. С. 497 сл.; Хардер. С. 27–29.

²⁷ Гигин. № 137.

²⁸ Аполлодор. II, 8, 5. Ср.: Павсаний. IV, 3, 8.

²⁹ Схолий к "Никомаховой этике" Аристотеля (III 2, 111а, 11 сл.).

³⁰ Аристотель. Поэтика. 1454 а 4–7 (пер. М.Л. Гаспарова).

³¹ Палат. антол. III. 5 (из описания рельефов в храме в Кизике).

³² Демосфен. XVIII. 180 (перевод Е.Г. Рабинович). *Баттал* (заика) – прозвище Демосфена. *Креонт* – персонаж в "Антигоне" Софокла. *Эномай* – герой одноименных трагедий Софокла и Еврипида. *Коллит* – дем в Аттике.

³³ Элиан. Пестрые рассказы. XIV. 40 (пер. С. Поляковой). Мeroпа – чтение Фалькенаера; в ркп. – Аэропа.

Св. 8³⁴. Если какой-нибудь лицедей, сыграв Эномая или Кресфонта, доиграется до того, что, спустившись с подмостков, пожелает начальствовать над товарищами и вообразит себя самодержцем, что ты о нем скажешь?

Фрагменты

[Явившийся в Мессению инкогнито Кресфонт представляется зрителям. Из его монолога сохранились только отдельные слова: "тираннической" (власти Полифонта?), "отец", "дети". После лакуны в 27–28 стихов начинается связный текст: стихомифия с участием Кресфонта и какой-то женщины из числа прислужниц Меровы, которая, выйдя из дворца, советует пришельцу не задерживаться у дверей дома. На это следует вопрос Кресфонта:]

Фр. 1 (40–58).

- Иль к чужеземцам так суров хозяин твой?
- Да, нынешний, а прежний всем любезен был.
- Кто ж нынешний? О прежнем после скажешь мне.
- Царь Полифонт, из рода Гераклидов он.
- А кто же был предшественник скончавшийся?
- Того же рода брат его Кресфонт – слышал?
- Мессенского был царства основателем?
- Его убив, владеет домом новый царь.
- Убил, замыслив, иль по воле случая?
- Коварной силой: царством завладеть хотел.
- 50 – Детей имел убитый или холост был?
- Зарезал Полифонт двух сыновей с отцом.
- И что же? С ними весь пресекался царский род?
- Нет, сын есть младший, если только жив еще.
- Как он смертельной доли избежать сумел?
- Младенцем был еще грудным у матери.
- И где же он теперь? Здесь иль в другой стране?
- У деда он растет...
- Вернется ли...

[От дальнейшего диалога, занимавшего нижнюю половину колонки, сохранились только отдельные слова: "сын", "какое же имя он носит?", "то же, что убитый", "вражда", "иметь женой", "мужа", "считает врагами", "отомстит" или "чтобы не отомстил", "как бы это могло случиться?", "иди от дома", и снова: "жена", "мужа", "чужестранки", "оплакав. Прощай же...". Как видно, собеседница Кресфонта сообщила ему, что вдова убитого царя не очень жалуется узурпатора престола, который боится мести со стороны уцелевшего сына Меровы. Затем она снова настойчиво советовала ему убираться восвояси. Оставшись один, Кресфонт отдавал себе отчет в сложности стоящей перед ним задачи. От его монолога (83–100) сохранились только начальные слова стихов: "Увы, увы, что делать... Как в бедствиях... О, сердце бедное... Мой острый меч... Подземных недр... И ты, Аид, что властвует... Кого вражда сокрыла... Вы дайте мне... Припомнив все... О, мой любимый...". Ясно, что наподобие многих других героев греческой трагедии (и в первую очередь Ореста) Кресфонт искал поддержки у подземных богов и убитого отца. Завершалась его мольба четверостишием:] Фр. 2 (106–109).

Нельзя от этой цели отступить мне:
Я должен вместе с матерью врагу отмстить.
О, сделай, Зевс, меня отца счастливее,
Иначе род его на мне окончится.

³⁴ *Филострат. Жизнь Аполлония*. V. 7. 193 (пер. Е.Г. Рабинович). Если это всего лишь реминисценция из Демосфена (см. св. 6), она не может служить свидетельством знакомства Филострата с трагедией Еврипида.

[С этими словами Кресфонт удалялся, и начинался парод хора, состоявшего из городских старейшин:]

Фр. 3 (110–117). Ай-ай! Увы!

Старцы, смело сюда ступайте!
Тяжесть годов многолетняя прожитых
Гнетет наши члены. Палкой упрись
В землю. Слышал я, этот чертог,
Отпрыска царственного лишившись,
Полон угроз. Слез он достоин многих.
Пусть слова я молвлю запретные...

[В этот момент во дворце раздавался вопль тоскующей Меровы, и следовала ее песнь, в которой она сравнивала себя с Прокной, потерявшей единственного сына. От жалобы несчастная женщина переходила к горькой констатации:]

Фр. 4 (122–124). ... Руки кровью детей бессильных

Брата родного осквернивши, стал мне убийца
Страданий таких виновником.

[В антистрофе, от которой сохранились остатки 4-х стихов, хор прибавлял мрачные подробности: тела убитых детей были брошены на растерзание собакам³⁵. Здесь папирус обрывается, и мы можем только предполагать, что после парода из дворца выходил Полифонт с целью унять неумеренные вопли Меровы. Убийство Кресфонта старшего он объяснял тем, что тот якобы сам хотел устранить брата-соперника. На это Мерепа возражала:]

Фр. 5 (451). Ты говоришь, тебя хотел убить мой муж.

Так надо б и тебе хотеть до времени.

[Другой довод Полифонта носил более циничный характер:]

Фр. 6 (452). То перенес твой муж, что людям свойственно;

А мне не стыдно больше всех любить тебя.

[После спора Меровы с Полифонтом появлялся чужеземец, принесший весть об убийстве Кресфонта младшего, затем – старый слуга с сообщением о его исчезновении. У Меровы – созрел план мести, и, готовясь войти к спящему незнакомцу, она произносила:]

Фр. 7 (456). Смертельный нанесу тебе удар!

[После взаимного узнавания матери и сына Мерепа предлагала сыну свое содействие в убийстве Полифонта. При этом она соглашалась усыпить бдительность царя своим притворным смирением. Заметим, что на всякого рода уловки у Еврипида особенно охотно идут женщины. Так, и Мерепа говорит:]

Фр. 8 (458). ... Отняла судьба,

Что мне всего дороже, а взамен того

Прибавила мне хитрости...

[Соответственно в новом разговоре с Полифонтом она делала вид, что осознала бесплодность своих жалоб:]

Фр. 9 (454). Не у меня одной лишь дети умерли,

Не я одна лишилась мужа: тысячи

В такую бездну горя погружаются.

Фр. 10 (455). Ведь и Ниобы дважды семь детей

Бог Локсий погубил своими стрелами.

[Может быть, Мерепе принадлежали и следующие рассуждения:]

Фр. 11 (449). Коль поразмыслить, должно тех оплакивать,

Родится кто на горести несчетные;

³⁵ Об этом варварском обычае см. у Еврипида: Гекуба, 1075–1078; Геракл. 567–568; Финикиянки. 1650.

Того ж, кто умер и от бед избавился,
С веселым сердцем провожать на кладбище³⁶.

[Наконец, сохранился ряд фрагментов, которым трудно найти определенное место в трагедии. В одном из них речь шла о Геракле, праотце Кресфонта:]

Фр. 12 (450). Но если он живет среди покойников,
В подземном царстве – силы он своей лишен.

[Два других носили достаточно общий характер:]

Фр. 13 (457). Дитя мое, во взорах стыд рождается.

Фр. 14 (459). Такой барыш приобретать нам следует,
Который позже плакать не заставит нас.

[В уста хора Еврипид вложил горячий призыв к Ирине – богине мира:]

Фр. 15 (453). Богатством изобильная,
Прекраснейшая всех богов,
Жду, зову: к нам вернись ты, Ирина!
Боюсь я, заботами
Сломит нас злая старость,
Прежде чем встречу приход твой радостный,
С плясками песни прекрасные,
Толпища любовенчаные.
К нам явись в город наш, госпожа,
А Смуту ненавистную
От наших стен ты отврати,
Вместе с ней и Вражду, взъяренную
Жезлом наточенным³⁷.

(Продолжение следует)

³⁶ Узенькая полоска с несколькими буквами из середины этих стихов дошла в виде папируса из Фаюма конца I или начала II в. (ZPE. 1970. Bd. 6. S. 247 f. См. Хардер. С. 24–26, 40–41).

³⁷ Какое место занимала эта песнь в трагедии? У Павсания (IV. 3.8) есть сообщение, что правление Кресфонта было направлено на пользу простого народа и потому богатые восстали против него и убили его самого и его сыновей. Может быть, хор имеет в виду отзвуки возникшей затем смуты? Попытки связать эту песнь с событиями на Керкире в 427 г. представляются очень искусственными. А может быть, достаточно того, что уже началась Пелопоннесская война, во время которой мечта о возвращении мира была вполне естественной?